

**РАЗСКАЗЫ
НА
БЕЛОРУССКОМЪ НАРЕЧИИ¹**

ВИЛЬНО.
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЫРКИНА
1863

Одобрено Цензурою. 1 Декабря 1862 г. Вильно.

**КТО БУЛЫ НАШИ НАЙДАВНІЙШИ ДИДЫ
И ЯКАЯ ИХЪ БУЛА ДОЛЯ ДО УНИИ?**

Сторона, дэ живутъ тэпэръ Пыньчуки, Мыньчуки, Вытобци, Могилевци, зовэтця Билой Русью; въ гэтуй сторони зъ вэльмы давныхъ часувъ живъ народъ Словяньскій, рудный зъ народамы, которыи давній жили и тэпэръ живутъ въ полуднёвыхъ и всхуднихъ русьскихъ краяхъ. Народъ той впэршъ звався Крывычамаы, альбо кривыцькымы Словянами: такъ, булы колысь Крывычи Смоленьскыи, – воны жили нэдалэко коло миста Смоленьска; а то еше булы Крывычи Полоцькыи, – отъ гэты Крывычи булы нашымы прадидамы. Нэ можемо тэпэръ довидатыся, чи вэлькыи кусокъ зэмли займовалы Крывычи Полоцькыи; можемо туюлько сказаты, жэ тэпэрешняя Вытэбьская, Могылёвская губерніи, малэнькый кавалочокъ Пськовскэи и Смоленьскэи, значна часть Мыньскэи губэрніи зъ Пыньскомъ, Мозыромъ и Туровомъ, кавалокъ Выленьскэи до рички Дзитвы и добрый кавалокъ Гроднэньской зъ мистами Вовковыскомъ и Бэрестемъ – булы тыми мійсьцямы, дэ живъ Билорусьскій народъ. Дэжъ булы граныци Билоруссіи? Нэма способу показаты тэе, якъ потреба; знаемо, же Выленьская, Смоленьская и Пськовьская губэрніи отдилялы Билую Русь отъ Руси полуднёво-всхуднэи; а зъ заходу, коло Билоруссіи, жили Литвины, о которыхъ досць будэмо говориты послэ.

Такій-то досць-значный кавалокъ зэмли займовалы наши диды-Крывычи Полоцькыи. Мова у ихъ була русьская, подобная до тэпэрешнэи нашеи мужицькэи; милы воны своихъ князювъ, и якъ вси Словянэ въ тую пору и воны-диды наши жили въ поганьстви, нэ знаючи Бога истынного. Князи Полоцькыи-Билорусьскыи булы вэльми отважныи, воевалы зъ сосиднымы своимы браттямы Словянами.

Князь Кыёвський, Владыміръ, одобравъ Полоцькъ одъ князювъ Полоцькихъ, забывъ Полоцького князя, а ёго дочку взявъ соби за жунку; Полоцькъ и завоеванную Билоруссію отдавъ сынови отъ тэи жунки, княжны Полоцькэи. Той князь Владыміръ покинувъ поганьство, прынявъ Православную виру, живъ по Закону Христову, и за тэе ставъ Святымъ; вунъ вэльми старався о

---

¹ Друкуецца наводле правапісу і пунктуацыі арыгіналу (фотакопія І. Запрудскага).

тумъ, щобъ научиты вэсь народъ Словяньскій Христовой виры.

Охрестывши свою Кыёвскую Русь, князь Владыміръ почавъ наворачиваты зъ поганьства до Православнэй виры и Билорусьскій народъ; при дитэхъ гэтого князя вся Билая Русь охрестылася въ виру Православную.

Спомыналысьмо вжэ, що Литвины жили зъ заходу одъ Белоруссіи. Литва була въ тыхъ мійсьцяхъ, дэ тэпэръ часть Выленьскэй губэрніи, часть Гроднэньскэй до реки Нэмна и вся Ковэньская губэрнія. Литвины милы свою мову, свою поганьскую виру, своихъ князювъ, которыхъ звалы кунигасами. Тыи кунигасы вэльми рано почалы пановаты въ Литви, якъ вэльможныи нэограничённыи паны; самы заслужоныи Литвины ждали одъ ихъ ласки: князи Литовськыи, колы хотилы, давалы имъ зэмлю, а въ послугу давалы людэй, которыи повинны булы працёваты на своихъ панувъ, обробляты имъ зэмлю. Тая панщина нэ була спэршу тяжка надто. Простый народъ литовській, хоць нэ бувъ зовсимъ бидный, а всэжъ найбульшъ живъ въ густыхъ лисахъ и пушахъ. Литвины вырубалы соби лису, очищалы мійсцэ, и строилы там свои хаты; въ тыхъ хатахъ було всё литовськэ господарство. Дывныи вэльмы булы хаты литовськи: строилыся воны круглыми, пичь стояла на самой сэредыни, а навколо пэчи стоялы лавки; на тыхъ лавкахъ господыни клалы кухоннэ начинне; госпадари клалыся зымою на тых лавкахъ спаты. Въ хати на сажень, а часомъ и мэньшъ, одъ стины городылы зъ жердокъ плоть, мэжъ тымъ плотомъ и стиною було мійсцэ для господарьского добытку: сюды загонялы волувъ, корувъ, свынэй, овэчекъ. И всё гэто жило подъ однэю стрихою зъ подарямы.

Литовськыи князи чи кунигасы зъ початку часто сварылыся, ваёвалы одэнь зъ друимъ и выгонялы одэнь другого; зъ тэй прычины воны нэ зачипалы своихъ сусидувъ. Литовській народъ живъ соби въ пушахъ, оравъ зэмлю своимы сохамы зъ дэревяннымы сошникамы, сівъ жито и живъ соби тыхо; кто мивъ охвоту, ходивъ на полёванне въ лисъ на ружного звиря, ходивъ зъ пикамы чи зъ сокирамы. А колы Кыёвскыи князи почалы нападаты на Литву, грабыты её, браты зъ бидныхъ Литовцювъ податки лыкамы, навэть и выныкамы, тогды и князи Литовськыи и вси Литвины стали бороньтыся; набравшыся одваги, пошлы и самы пустошиты сусидныи словяньскыи зэмли. Найгуршэй доставалось Билоруссамъ, бо тыи найближэй жилы коло Литвы. Литовськыи князи завоёвалы и забралы подъ сэбэ билорусьскіи миста: Мыньскъ, Туровъ, Вовковыскъ, Бэрэсть, Вытэбськъ и Полоцькъ, до самого Смоленьска и Пськова. Въ тыи часы Литовськэ паньство стало вэльмы муцьнэе, а Литвины вэльмы зробылыся страшнымы для своихъ сусидувъ. Паньство Литовськэ було вэльмы общирнэ, бо зъ тэй поры вся Билая Русь подпала подъ власть Литовьского князя. Всэжъ, якъ давній, такъ и подъ властью гэтого князя одъ нашихъ прадидувъ-Билоруссовъ Литвины пэрэймовалы и звычай и самую мову. Подъ панованнемъ Литовьскихъ князювъ, Литвины жили зъ Билоруссамы въ вэликой згоди. Давній Билорусьскыи князи набыралы Лит-

винувъ до своего вуйска и разомъ зъ іимы ходылы воёваты зъ Кыевскимы князьямы; а посла такъ само Литовськыи князи цилое свое вуйско милы зъ Билоруссовъ. Зъ часом Литвины, которыи жили найближэи коло Билоруссіи, зовсимъ стратылы свою мову и почалы говориты по-билорусьскому.

Разомъ зо звычайымы и моваю отъ Словян-Билоруссовъ почала пэрэходыты до Литвы и вира Православная. Священники православныи приізжалы зъ давныхъ часувъ до Литвы и широ працёвалы, кобъ научиты Литвинувъ Святой виры, и то пэвно, жэ тую прыймовало мнуго Литвинувъ и панувъ Литовських. Да вжэжъ самы князи Литовськыи зъ давныхъ часувъ, женылыся зъ православными княжнамы русьскимы, прыималы самы Православную виру и нэ милы ны якой потребы пэрэшкожаты вири Православнуй, кобъ вона бульшъ и бульшъ вкоренялась въ ихъ паньстви. Отожъ бачимо, жэ Билая Русь якъ сама визнавала виру Православную, такъ въ туюжъ виру наворочала и Литвинувъ. Пытаемо тэпэръ, скуль же посла въ нашей сторони Билорусьской зъявылыся и косцёлы и римськая вира и польськая мова?

Отожъ, такъ тэе сталося. Далій на заходъ одъ Литвы жили Поляки и було цилэ паньство Польскэе, которое, якъ и Билая Русь, налэжить до одного вэлыкого Словяньского роду. Поляки вэльмы дбалы, всимы способами старалыся якъ Литву, так и Руськыи зэмлі звязаты зъ собою въ одно паньство, або королевство. Якъ тамъ ны старалыся Литвины вымкнуты зъ того нэводу, що закинула на ихъ Полща, – іимъ нэ удалось тое зробыты: Польща звязала таки зъ собою и Литву и Руськыи зэмлі, подвластныи Литви въ однэ королевство. Однакъ-жэ Литва и Билоруссіа, згэдынаючись съ Польщею, нэ повинны были утратыты чи покидаты ны руднэи виры, ны своихъ правъ, ны своей мовы.

Діялося пэрше поеднанне Литвы зъ Польщею въ панованне Литовьского князя Ягэллы, коли самы Поляки обралы его королемъ. А вжэжъ и тогды Литвины и Руськыи народъ нэ хотилы занадто тисного полончэння зъ Польщею; и хотъ згодылыся миты разомъ зъ Польщею одного короля, однакъ зъ такими варункамы, що въ Литви повинэнъ бути свуй осубный Сэнатъ, осубный князь, народомъ повинны управляты нэ польськыи, а краёвыи чиновныки, то есть: Литовськыи въ Литви, а Билоруськыи въ Билой Руси. Король Польськыи нэ повинэнъ бувъ роздаваты литовьскихъ и билоруськихъ зэмэль польськой шляхты. Була умова навэть и о тумъ, жэ Поляки нэ маюць права житы на литовьско-руськихъ зэмляхъ. Король и паны польськыи однакъ жэ нэ вэльмы дбалы о дотриманне всехъ тыхъ варункувъ; іимъ хотилось тулько, кобъ якъ найбульшъ звязаты Литву и Билую Русь зъ Польщею, а варунки – якъ тамъ соби хочуть!

Варто, однакъ, дывоватыся, якъ вэлыкэ значенне и силу мила Православная вира въ Литви и Билоруссіи: бо навэть нэкоторыи и зъ Полякувъ, сивши на господарство въ литовьскихъ и руськихъ сторонахъ, прыималы Православіе. А руськая мова нэ тулько пановала въ звычайныхъ розмовахъ, а

и въ книжкахъ и всякихъ судовыхъ бумагахъ: короли Польскыи писали для Литвы и Белоруссіи законы по-белорусску.

Король Польскій Жыгмунтъ Августъ, остатній зъ роду Ягэллы, зовсимъ згэдынывъ Литву и Белоруссію зъ Польщею на давніе часы. Тэе остатне поеднанне діялося на сэйми¹ въ Люблини. И хотъ литовскыи и русскыи послы, прысланныи на той сэймъ, нэ бачачи добра для своего краю одъ поеднання зъ Польщею, поднявши ноги, утекли зъ сейма нэ оглядаючись, нэ попросившись навэть зъ королемъ. Однакъ Поляки на тэе нэ зважали, взяли и написали самы, же Литва и Русскіи зэмлі мусяць подлегаты Польскому королеви и сэнатови (тымъ часомъ, спэршу Литвины милы свуй осубный сэнать)².

До сэнату польского милы право вступаты тыи тулько Литвины и Русскыи, которыи прыняли римськую виру и говорили по-пульску; написали Поляки на тымъ же сэйми, же законы зъ гэтэи поры повинны буты одны якъ для Польщи, так и для Литвы и Русскихъ зэмэль; (а спэршу Литва и Белорусъ милы свое осубнэ право). Зъ того часу много панувъ польскихъ почало пэрэизжаты въ русскыи и литовскыи стороны; такъ же много панувъ белорусско-литовскихъ, кобъ заняты крисло въ польскомъ сэнати, одрикалыся одъ руднэи виры и руднэи мовы; почалы будоваты косцёлы на русскихъ и литовскихъ зэмляхъ; римско-католицкэе духовэньство стало працёваты, кобъ всехъ Литвинувъ и Белоруссувъ зробыты католикамы. Началыся вэльмы тяжкіи часы для Литовскихъ и Белорусскихъ зэмэль. Короли Польскыи воёвали зъ Московскимы царямы, и каждая такая война мусыла конэчнэ спустошиты Литву и Билую Русь. Народъ православный и ёго духовэньство зъ часу на часъ биднилы; духовэньство нэ мило способу эдуковатыся, нэ мило за що дитэй своихъ в науку отдаваты. На биду въ Польщи и Литви завэлася вира лютераньская, а Поляки прылялы до сэбэ Іезуитувъ³, щобъ во-

---

¹ *Стародавнійшій сэймъ у Полякувъ мивъ вэликэ подобэньство до тэпэрешнихъ нашихъ сельскихъ сходокъ-громадъ. Якъ тэпэръ старишина, либо староста кличэ, ежели потреба есть якая, мужикувъ до громады на якую справу, такъ давній у Полякувъ король склакавъ шляхту польскую на сэймъ въ пэвнэ мисто; а якъ всей шляхти трудно было збыратыся на тыи сэймы, то вона выбирала на малыхъ сэймикахъ съ помэжъ сэбэ выборныхъ и посылала ихъ. Такъ само якъ и у насъ тэпэръ нэ вси мужики идутъ на сходку, а только выборныи отъ всёго села, чи отъ всей волости.*

² *Сэнать бувъ щось подобное до нашего волостного правленія. Якъ у насъ въ сели волостное правленіе найважнейшее мисто, дэ справы ружныи разбирають: голова, староста, судьи; такъ сэнать бувъ найважнейшее мисто въ цилой Польще и Литве; въ немъ засидалы глупныи королевскыи чиновники, магнаты светскыи и духовныи, т.е., князи, графы, католицкыи бискупы; вси гэты важныи особы милы въ сэнати свои крисла. Миты крисло въ сэнати – тэе само, що бути сэнаторомъ.*

³ *Іезуиты были тулько у Римлянъ; у нихъ тамъ было осубнэ надто люднэе іезуитскэе братство; до нёго налэжалы особы духовныи, монахи и нэ монахи. Іезуиты милы свои осубныи правыла; кожный повинэнъ бувъ слухаты во всёмъ своихъ начальныкувъ, наглядаты одэнъ за другимъ, а обо всёмъ говориты своимъ начальныкамъ, хотъ бы то на*

ны прогналы зъ Польщи лютэраньскэе учение и навэрнули православный билорусскій народъ на римськую виру. Іезуиты заразь zaloжили свои шкулки для биднэи шляхты литовськэи и русськэй, а для панувъ магнатувъ и вэлыкіи школы; прыймовалы до такихъ шкулъ всихъ, а найбульшъ набыралы православныхъ и учили ихъ дармо. Православнии Русськыи и Литовци, побувши въ тыхъ шкулахъ, найчастій забувалы свою рудную виру и мову, зъ Литвинувъ и Русськихъ православныхъ робылыся католикамы, полякамы. Щобъ якъ хутчій и въ концэ ополячиты всихъ Литвинувъ и Русськихъ, Іезуиты выдумалы такъ званую, добре знакомую, Унію. Нэкоторыи Билорусскыи бискупы, безъ видома народа поіихалы до Папы въ Римъ и тамъ прысягнулы ёму за всю Литву и Билурусъ, що будутъ ёму послушны, хотъ того народъ православный нэ думавъ и нэ хотивъ. Собралыся посля тьи бискупы и другэ духовэньство на соборъ въ Бэрести и тамъ открыто сгэдынылыся въ вири зъ католикамы: тэе сгэдынэнне названо *Унією*. Щобъ навэрнуты на Унію народъ православный, сталы ёму казаты, же Унія нэ зминытъ ёго Православнэи виры, же якъ до Унії вунъ вировавъ и молывся, так будэ вироваты и молытыся и прынявши Унію. Ружныця вся в тымъ, же ёму тэпэръ треба будэ во всимъ слухатыся Римського Папы, и кажное ёго слово выполняты, якъ слово Самого Христа Бога. Однакъ же такъ тулько говорилы, а робилы зовсим иначій. Потроху сталы зминяты православнэе набоженьсьтво, въ святыхъ церквахъ сталы касоваты царськіи двэри, а заводыты органы, звоночки, лавки (якъ бы то чэловиковы тяжко простояты якихъ дви три годыны на служби Божуй въ церкви). Сталы одправляты мши читаныи, якихъ впершъ ныкто зъ православныхъ нэ знавъ; народъ почалы учиты польськихъ пацеровъ, а впершъ вунъ говоривъ ихъ па-словяньську; молывся такъ: Отче нашъ, верую во единого Бога Отца, Богородице Дево радуйся, а нэ – Ойче нашъ, вежень въ Бога Ойца, Здравась Марія; почалы учиты народъ хрестытыся цілою рукою, а нэ тремя пальцямы, якъ було впершъ. Вмовлялы народовы православному, же Унія нэ зминытъ ныць ёго виры, а тымъ часомъ пэрэминилы ёго виру въ Сына Божія и Духа Святого; вунъ до Унії виривъ, якъ научилы нас Апостолы, же Духъ Святый исходытъ одъ Бога Отца, а въ Унії прыбавылы: *и отъ Сына.*

рудного батька, матери, брата, сэстру. Зъ самого початку якъ тулько зъявылыся Іезуиты, вони сталы вэлымы старатыся о тэе, кобъ поддержаты власть Папы надъ тымы католикамы, которыи хотилы покинуты Римськую виру и пэрэйти въ Лютэраньськую. Посля Іезуиты большъ всего почалы старатыся о тэе, щобъ всихъ людэй покориты соби, зловиты въ свуй нэводъ, а для того вони уживалы всякіи способы – добрыи и злыи. Разнымы хитростямы вони зобрали соби страхъ яки вэлыкіи скарбы и забрали въ свои руки ученне народа; однакъ въ ихъ школахъ треба було вэлымы довго учитыся, иншій раз до 30 литъ. А правду говорячи, Іезуиты все тулько псовалы своихъ учневъ, напыхалы головы ихъ всякимъ глупствомъ, найбулишъ учили ихъ нэнавядыты всихъ нэкатоликувъ, якъ своихъ ворогувъ. Много зла зробылы Іезуиты людямы, а найбулишъ одъ ихъ потэрпила Литва и Польша; вони зовсимъ зопсовалы народъ Польскій.

До Уніи народъ вировавъ, же одэнь Христось голова всихъ Христыянъ, самый найбульшій начальныкъ надъ всеми христыянамы, Самъ надъ всимы пачуе, якъ батько надъ дитмы, безъ всякихъ намистныкувъ; въ Уніи стали учиты, же христыянэ мають ныбы двухъ такихъ начальныкувъ: одного – Христа, который живэ на нэби, которого мы тэпэръ нэ бачимо, а другого начальныка – папу Римського, который ныбы заступае мійсце Іисуса Христа; тогды, якъ Христови нэ потреба ны якихъ намистныкувъ, и чёловикъ гришный нэ може буты Его намистныкомъ, бо вси священныки и бискупы нэ наместныки Христовы, а Его слуги.

Чуло сэрдце нашего народа, же Унія щось нэ добрэе; а для того, хотъ ёму и старалыся вговориты, же вона нэ зминытъ ёго православной виры, – вунь нэ хотивъ прыйматы Уніи, Унію прыймалы тулько тыи, которымъ нэдогая була рудная Православная вира. Зъ тэи прычины Унія вэльмы була слабэнька зъ початку. Треба було даты ёй сылы; отъ и почалы короли польськыи дозволяты католикамъ одбыраты Церквы одъ православныхъ, старалыся згубыты всихъ православныхъ священныкувъ. Доходыло до того, же у православныхъ нэ було дэ и нэ було кому хрестыты, ховаты умэрлыхъ, винчаты. Опречь того, житте православныхъ зробылося страхъ-якъ тяжкэ. Нэ дай Боже намъ потэрпиты того, що пэрэтэрпили наши диды и батькы за виру Православную.

Такая-то була доля нашей Билоруссіи, якъ вона звязалася пэршъ зъ Литвою, а посла зъ Польщею.

ЦИ ДОБРЕ МЫ ЗРОБИЛИ, ПОКИНУВШИ УНІЮ?

Была недзеля; въ церкви ужо атслужили нешпоръ-вечерню; старые люди сидзяць на завалинкахъ и разговариваюць, хто о жице, хто о скоцинце, хто о грошахъ, якія собираюць зъ мужиковъ. Малые дзеци гуляюць на улице; молодые хлопцы и дзивчаты порасходзилися хто у ягоды, а хто въ суседнее мястэчко на игрыще. Чутно, якъ у лясу крычаць на разные лады: ау! агу! “Гэта наши, – говорюць старики, – ворочаютца домовъ; поглядзимъ, ци много яны собрали ягодъ, грибовъ”.

Изъ села выходяць православный священникъ съ парафіяниномъ. Парафіянинъ въ сермяге и новыхъ лапцяхъ; ёнъ бывъ у священника и просивъ яго придци даць молитву жонце: яму давъ Богъ дзиця. Священникъ въ бедной, але чисценькой рясе; подъ пахой ёнъ нясець требникъ. Парафіянинъ и священникъ идуць цихо и о чемъ-то говорюць.

Парафіянинъ. Скажи мне, ксенже, за што зовуць насъ схизматыками? Здаетца, мы ничого худаго не зрабили. Ци мы недолярки якіе, ци што?

Священникъ. Плюнь на гэта, Григорь; ци мало чимъ можно назваць чело века по злосци, либо по глупости: людзёмъ рта не завяжэшъ.

Парафіянинъ. Што правда, то правда, ксенже, а всежъ сумленне бярець, якъ вспомнишь, што мы упяродъ были уніятами, а потомъ приняли русскую

веру; наши старики ящо добре помнюць Унію.

Священникъ. Штожь, якъ ты думаешь, добре мы зрабили, ци не, покинувши Унію?

Парафіянинъ. Ня ведаю, ксенже! Гдежь нам – мы людзи цёмные.

Священникъ. Вотъ то-то и беда наша, што мы людзи цёмные; кожень можець насъ обмануць, напужаць. Помнишь, якъ я читавъ вамъ Манифестъ и объяснявъ его? Вы мне не хоцели верыць; думали, што мяне подкупивъ панъ; а сами ня умели прочитаць, просили читаць усякаго солдата, хто хоць нямного умевъ слибизоваць, и верыли всему, что вам говорили. Вотъ и цяперь: якій-нибудь шляхциць назоветъ схизматыкомъ; ну, цябе начинаець браць сумленне; ты ня ведаеш, ци добре зробивъ, ци не, што покинувъ Унію.

Парафіянинъ. Дась Бог, дзеци будуць разумней.

Священникъ. Кали будзеце отдаваць ихъ въ школу учитца; а ня будзеце, – дыкъ яны останутца такими же цёмными, якъ и ихъ бацьки. Ну, да гэта я къ слову сказавъ. А цяперь табе растолкую: ци добре мы зрабили, покинувши Унію?

Послухай майго простого разказа. Была одна бедная мужичка; у яе было много дзяцей-хлопцёвъ и дзевчатъ, здоровых, пригожихъ. У гэтой мужички была ня добрая пани. Захоцелось пани узяць въ дворъ дзяцей у нашей бедной мужички, – за панщизной гэта часто было; бедная женщина не хоцела отдаваць своих дзяцей въ дворъ, дзеци не хоцели идци; но чаго упродъ не могли зробиць паны? Пани начала отбираць дзяцей у мужички; некоторыхъ яна заманивала лаской, грозой. Стали мучиць мужичку и дзяцей, што у яе остались; ни днёмъ, ни ноччу не давали имъ покою. А тымъ дзецямъ, што перашли къ пане, было далеко лепши: зрабили ихъ войтами, старостами. Вотъ яны понямногу стали забываць о своей матце, набрались панского духу, стали кривдзиць и свою матку и своихъ братовъ и сесцёръ, которыя не хоцели покинуць родной мамки. Ня всежь кату и масляница, по поговорце. Пришла беда и на паню: яе смиривъ одзинъ пан. Дзецямъ, которые кинули свою матку-мужичку и жили въ панскомъ дворе, ёнь приказавъ вернутца домовъ къ родной матце. Яны послухались и, як ты думаешь, добре зрабили?

Парафіянинъ. Вэльми добре; только я не зразумею, на што ксендзь говоришь мне о какой-то пани и какой-то мужицце.

Священникъ. Тойчасъ зразумеешь. Насъ называюць схизматыками за тое, што мы покинули Унію и приняли Православную веру; а я думаю, што мы гэта добре зрабили, якъ добре зрабили тые дзеци, што покинули паню и вернулись къ своей родной матце; мы ня новую приняли веру, а вернулись къ старой; стали вериць такъ, якъ верили наши самые давние бацьки и дзеды, которые жили за 200 годовъ и боли до насъ.

Парафіянинъ. Няужтожь наши бацьки и дзеды были веры русской, ци православной, якъ и мы?

Священникъ. Такъ, и ни были ни Римлянами, ни Уніятами. До села еще

остаецца кавалокъ, я табе што-нибудь разскажу объ гэтомъ. Ты чувъ про Кіевъ?

Парафіянинъ. Якъ не чуць; и поговорка ёсць: языкъ и Кіева допытаець.

Священникъ. Вотъ въ гэтомъ городзе, коло тысячи годовъ тэму назадъ, жилъ Русскій князь, по имени Св. Владиміръ. Енъ бывъ поганинъ и все мы Русскіе были поганами, въ Христа ня верили. А якъ уверивъ ёнъ въ Христа и крестився, тагды и народъ крестився; тагдыжъ крестились и наши дзяды. Наши отца и дзяды были Русскіе; только не завсегды надъ ими пановали свои родные Русскіе князи. Упяродъ надъ ими пановали Русскіе князи, потомъ стали пановаць надъ ими князи Литовскіе, т. е. князи тыхъ самыхъ Литовцевъ и Жмудзиновъ, што живуць зъ нами. Покуль надъ нашими бацьками и дзедями пановали князи Русскіе и Литовскіе, яны дзержались русской Православной веры и жили добре. Но жище ихъ совсимвъ змянилось, якъ стали надъ ими пановаць Поляки. Тагды-то выдумали Унію, а упяродъ яе совсимвъ не было, – и стали примущаць нашихъ бацьковъ и дзядовъ приняць Унію, либо Римскую веру.

Парафіянинъ. Штожъ наши бацьки отъ разу послухались?

Священникъ. Гдзе послухались! И приступа къ имъ не было; яны стали горой за Православную русскую веру. Гэта все бывъ народъ крепкій, заможнй, однимъ словомъ, старосвецкіе людзи. Вотъ тагды-то стали показыватца братчики. Братчиками были все безъ разбору: духовные и дворяне, мужики, купцы. Братчыки тыхъ часовъ забоцились о церкви Божіей, кабъ были хорошіе образы, хорошие ризы, кабъ хорошо отправляли Божію службу; братчики выбирали на приходъ священниковъ, будовали школы, друковали книжки, однимъ словомъ, робили все, што могли, кабъ только отстояць родную Православную веру. Теперешнихъ братчиковъ и ровняць зъ ними ня можно.

Так-то наши дзяды боронили русскую Православную веру. А мы совсимвъ ня ведаемъ, што русская Православная вера наша родная вера, за которую наши бацьки лили свою кровь.

Парафіянинъ. Кали правда, што ксендзъ кажешъ, дыкъ мы совсимвъ не похожи на нашихъ давнихъ бацьковъ и дзедовъ; яны отъ насъ, якъ небо отъ зямли.

Священникъ. Дась Богъ, наши дзеци будуць лепши; только нехай яны учатца. Ня бойцесь, што яны хванаберіи наберутца, перастануць уважаць бацьку и матку. Сами только ня псуйце ихъ, не учице даваць кукиши, показываць языкъ бацьку, матце, або другим, поважайце одзинъ другого, и дзеци васъ поважаць будуць, у хорошихъ бацьковъ – добрые и дзеци.

Вотъ объ чемъ говорили дорогой парафіянинъ и священникъ, покуль ни пришли въ сяло. Тутъ священникъ пошевъ въ хату къ парафіянину, давъ молитву яго жонце, пожелавъ ей добраго здоровья, благославивъ дзиця и пошевъ узнова домовъ.

ВЯЛИКАЯ ПОМЫЛКА НАШИХЪ БЕЛОРУССОВЪ

– Цыгань! якой ты веры?

– Якой хочешь.

(Белорусская поговорка.)

У нас говорюць про цыгань, што для ихъ совсимъ мало значиць ихъ вера, а больше всего значиць корысьць. Для корысьци цыгань готовъ назватца православнымъ, католикомъ, жидомъ, однимъ словомъ, будзиць такой веры, якой хочешь. Гэта, вядома, надто ня добре, и мы сами кпимъ зъ гэтаго; але мы сами не далеко отстали отъ цыгань Цижь гэта ня правда, кали у насъ мужиковъ католиковъ зовуць Поляками? Принаймней, гэдыкъ робюць въ Дзисенскомъ уезде. Идзицё вы по сялу, гдзе живуць мужики католики и православные, пытаецесь: хто живець въ такой-то и такой хаце? Вамъ говорюць: католики, ци Поляки; а въ другой хаце хто живець? Вамъ отвецюць: Русаки живуць, Русскіе ци православные. Вотъ тутыцько и вяликая помылка наша и подобенство до цыгань, што тые изъ насъ, которые веруць по-католицку, зовутца Поляками. Якіе яны Поляки? У ихъ мова простая, беларусская, звычай простые беларусские; и звычай и мова у мужиковъ католиковъ тыя самыя, што и мужиковъ православныхъ, ци русскихъ. Хто ведаиць добре Поляковъ, ихъ мову и звычай, той николи не скажець, кабъ мужикъ-католикъ бывъ похожь на Поляка. Зачимъ же наши мужики-католики зовутца Поляками? Няужто за тымъ, што яны католицкой веры? Ну, за гэта ня можна ихъ зваць Поляками, а кали ужо на тое пошло, дыкъ ихъ можно зваць и Немцами и Французами; бо не одны Поляки, а и Немцы и Французы дзержатца католицкой веры. Поглядзимъ на другихъ людзей: хто робиць такъ, якъ мы? Русскій завсёгды зоветца Русскимъ; Немець, якой бы ёнь ня бывъ веры, завець сябе Немцомъ, Французъ – Французомъ. Штожь мы за несчастный народъ, што ня ведаемъ, якъ назваць сябе и, зробившись католиками, отрекаемся отъ своего роду и племени, завемъ сябе Поляками, хоть гэта намъ пристало, якъ корове сядло. Правду сказавъ мне разъ одзинь разумный мужикъ: “И, человек! Ды намъ и языкъ не таковскій, кабъ говориць по-польску”. Нягоже пнутца намъ за панами и для гэтаго отрекатца отъ свойго роду и племени. Кали хочешь быць паномъ, сполняй свои повинности, глядзи хорошенько за своей сямейкой и господарствомъ, взари, угнаи, запаши зямельку, содержи добре скацинку – и ты панъ. Есць у цябе дзетки, маишь достатокъ, отдай ихъ до школь; ихъ тамъ будуць учиць всему, чему учаць дзецей панскихъ. Кали дасць имъ Богъ розумъ и памяць и охвоту до науки, яны могуць быць лепшими, чимъ дзеци панскіе, и будуць боли поважатца. Цяперъ настаець пора, кали боли всего значиць розум и праца человека, а не панство. Не дай Боже быць сиротой, которая ня помниць свойго татки и мамки. Въ дзесяць разъ хуже отрекатца отъ своего роду и племени; быць, наприкладъ, мужикомъ и пнутца до пановъ; але надъ сиротой принаймней можець змиловатца Богъ и добые люди; а надъ такимъ человекомъ ништо не змилуецца, а только каждый надъ имъ

посмяетца. Казавъ и узнова кажу: нечего намъ пнутца до пановъ и зваць сябе Поляками; отъ гэтаго намъ нима ни якой корысци; за гэта другіе людзи толькі смяютца зъ насъ. Русскими, а не поляками мы повинны называтца.

РОЗМОВА НА ЦМЕНТАРИ СТАРОСТЫ ЯНКА ЗЪ БРАТЧИКОМЪ ХВЭДОСЕМЪ

Хвэдось. Що добраго у васъ чутно, Янко?

Янко. Тое, що и всюды; школы закладывають. Ще литось хлопцёвъ съ чётнадцатъ всю зыму до ксёндза ходыло учытыся. Уміють троха и по церковному и по Русському; и раховаты троха уміють. Муй сэрэдній сынъ вжэ уміе навэть дьяковаты троха, Апостола въ церкви просывъ у дьяка читаты.

Хвэдось. Дай-то Боже, кобъ було гоже! Зъ вэлыкого розуму людэ найбульшь шаліють; а нашъ мужикъ абы-но выучився читаты и пысаты – заразь зопсуецця зовсимв: ёму вже батька, матэри непотреба шановаты, вже вунъ, бачъ, розумнійшии одъ ихъ; вже ёму мужикъ нэ братъ, мужицкій хлибъ вже ёму нэ смачный, а давай заразь паньского. Затымъ кинетця въ распусту, станэ запываты, просто хотъ въ рекруты отдавай хлопця? Бачылы вжэ мы тую науку?

Янко. Эхъ, дивный ты, нэбожэ! нывжэжъ то наука псуе чёловака? Наука на распусту нэ учить; завжды злый прыкладъ учить на распусту, а нэ наука. Мы самы завше псуемо своихъ дитэй: посваритця маты на дытыну, або набы ёго за що-нэбудъ, а воно иде на скаргу до батька. Батько жъ хоче дытыну прыласкаты, тай, кажэ, глядячи ёго по головци “дурная, сынку, мама, дурная: набыла дытыну мого, набыла; дулю ей, дулю!” Дытына ще и пацера нэ уміе, а вжэ хвыгу матэры показуе, – отъ тоби и жды одъ ёго пошанованья. Або щекъ стануть маты зъ батькомъ бытыся, попывшыся, стануть лаятыся такъ, же соромъ слухаты; якъ жэ тутъ дытына распусты зъ маленькосци нэ научитця.

Хвэдось. Алэ, воно то правда, часомъ тое бувае межы людьмы.

Янко. Отожъ-то бачъ! А въ школахъ, напратывъ, учать всего добраго; я бъ и сам, кобъ не лита мои, пошовъ бы въ науку, и тэпэръ завжды завыдную ученому. Глядышь часом чёловекъ на свить Божій – на мисяць ясный и на зори, на звиря и на пташекъ вселякихъ, на траву, квытки ружныи, глядышь, кажу, дывышся и нычого нэ тямьшь. Есть тамъ у бабъ нашихъ ружны забобоны, – то чи жъ бабамъ вирыты? Чуешь нэ раз, чёловикъ, якъ розумныи людэ говорятъ о якихъ ся тамъ заморскихъ короляхъ, о заморскихъ зэмляхъ и людяхъ, – а хто жъ ёго знае, якъ воно тамъ направдить. Може и тое, що людэ розказують, такыи жъ бабськи забобоны. Ну, а якъ читаты уміешь – в кныжку якую заглянувъ – и выдаешь: де що и якъ на свиты діетця. Вэликъ-Боже! Помогъ бы учытыся, кобъ нэ лита мои нэдужіи.

Хвэдось. Ось, тоби маешь, схотилося кобыли оцту и давай оцту! Ни, муй голубэ, кажи ты зъ своимы ксёндзамы, хотъ нэ знаты що, я одно кажу: мужиковы знаты соху, борону, косу и другэ що въ господарстви – и годи зъ ёго.

Ото ёго хлебъ, ото ёго доля! А наука и кныжки на що ёму здалыся? Дадуть вони ёму хлебъ? А то нэ ёго доля буты ассэсоромъ, дьякомъ, або ксёндзомъ.

Янко. Ну, той шо, же ассэсоромъ нэ будэ, то вже треба ёму остатыся дурнёмъ? А чимъ же гуршій тэпэръ мужикъ одъ ассэсора, якъ нэ тымъ, же протывъ ёго дурень? А напрыкладъ, тэпэръ Государъ давъ намъ “Положеня”, дэ пышетця, якъ маемо зъ давнійшимъ паномъ раховатыся; або дасць ще сэредныкъ, чи ассэсоръ распоряженье якое. Сэ уміешъ читаты, самъ згадаешъ тое все, дойдешъ чистэй правды; нэ будэшъ на цилый свить нарикаты, же нэма на нёмъ справэдливы. Будэшъ знаты свое право и свою повинность, ныхто тэбэ скрывдыты нэ посміе. Ось, тоби и безъ ассэсорства мужиковы треба учитыся! А сэ мужикъ до науки будэ охвотный, сэ добре и грунтовно выучитця, ёго зробяты и ассэсоромъ, часомъ навэтъ бульшъ, якъ ассэсоромъ: есть нэ мало прыкладовъ, же простый мужикъ чрезъ науку выходытъ в людэ. У насъ зъ простыхъ мужикувъ бувають часомъ учитэлимы, чи инспекторы въ гимназіи. Диты простыхъ мужиковъ кончають часомъ школы пэршими, найлешими ученымы и достають въ награду золотыи мэдали. Такъ само и куждень зъ нашихъ хлопцёвъ, абы но бувъ способный и мивъ охвоту, може пойти въ гимназію, посла до высшого наукового закладу, шо называецця “универсытэтъ” а оттоля нарэшти можно выйти чи учитэлемъ, або инспэкторомъ гимназіи, чи якимъ чиновныкомъ, в въ кожномъ рази чёловикомъ учёнымъ, нелядащымъ, на корысть соби и людямъ. Дьяки, напрыкладъ, мало чимъ одъ насъ рузнятця, а погледы, ихъ диты черезъ науку выходяты ксёндзамы, дзеканамы и навэтъ бискупамы часомъ бувають!

Хвэдось. Ну, нэхай соби, нэхай! Кидай работу, кидай господарство, кидайтэ вси; беритэсь за кныжки, кладитэ гроши на школу – мало ще, мусить, выложили? Учитэсь и живитэ счастливо! То-то пэвнэ заживэтэ королямы безъ господарства, зъ однимы кныжкамы? Ии, братко, зжили свуй вיקъ наши батьки счастливо, липшъ як мы; господари зъ ихъ булы нэ лядящии и бэзъ тэи науки; обойдэмся и мы бэзъ ей!

Янко. Ото жъ бо нэправда! На самъ пэршъ, въ науку дитэй посыламы – въ господарствіи нэшкодытъ ныщъ: въ школахъ учать туюлькы въ осэни и въ зыму, колы въ господарствіи нэма ны якэи роботы на полю. Нэ вэльмы много коштоватымутъ намъ и самыи школы. А до того-жъ треба памятаты, же дармо, бэзъ праці, або бэзъ грошей, на свиты нычога нэ достанешъ. Ну, и давній якъ и тэпэръ, по мисцяхъ и мэжи мужиками былы людэ грамотныи; умилы вони и соху-борону нарыхтоваты и кныжку розумну-яку прочитаты; умилы и господарствомъ управляты и въ церкви дьяковаты. Старыи бабы, або людэ завыстныи называлы ихъ чаровныкамы, однакъ Бугъ ихъ благословлявъ, громада, добры-людэ шановалы. А напрыкладъ, Нимци-тыи и въ поле ходяты съ кныжкамы; хлопэць волы поводытъ, батько орэ и разомъ читае, положивши кныжку на плузи. Отъ якъ! И знають вони зъ кныжокъ много чога доброго: якъ скотыну одъ помору, збожъ одъ кротувъ ратоваты; якъ ныву липшъ

зъораты, въ яку пору що липшъ посіяты – господары воны хотъ куды!

Хвэдось. Ну, Нимэць! Нимэць ще зъ колыски охвотный до науки: такій вже вунъ удався заморскій. А нашъ мужикъ що?

Янко. Говоришь ты, якъ старая баба. Нимци такыи жъ самыи людэ, якъ и мы; бачь-же и наши хлопци не мало таки мають охвоты до науки, абыно школы булы, а батьки пускалы въ школу. А тамъ за Вильномъ коло Дисны миста було, кажуть, нэдавнэчко отъ що: прыходыть въ осэни до ксёндза парубокъ литъ 18 (Пэтромъ звався), просыть учитыся прыняты. Ксёндзъ той ёго прынявъ, подучивъ троха читаты-пысаты, а нэдовго думаючи, одправывъ подъ вэсну, “часу, – каже, – у мэнэ тэпэръ нэма”. Парубокъ одъ ксёндза своёго идэ до прыходскэи школы до самого учитэля; “так и так, – каже, – учытысь хочу; бувъ у ксёндза цилу зыму, – умію троха. Алэ будь ласкавъ, добродзію, прыймы ще ты мэнэ; хотъ въ наймытахъ буду служиты, абы учытысь у тэбэ”. Бачить учитэль, – хлопэць добрый, охвотный такій: прынявъ ёго. “Будэшъ, – каже, – у мэнэ до полудня на работи, одъ полудня учытысь”. Остався Петро у того учитэля, поучився мисяцовъ съ чотыры, выучився пысаты такъ, що знай; напысавъ лысть до своёго ксёндза дьякуючи за ёго першу науку. Ксёндзъ, якъ зобачивъ ёго пысанье, здывовауся навэть; хваливъ – нэ нахвалився, а нарэшти выстарався, же того парубка Пэтра зробылы помощныкомъ пысаря въ канцелярїи. Однакъ нэ довго прышло тамъ Пэтровы оставатыся: зобачывъ вунъ, же у пысаря нэ ма чого ёму учытыся, а пысарь ставъ ёму завыводаты. Покинувъ Пэтро пысаря, той стараецця тэпэръ якъ нэбудъ достатыся до вэлыкого миста Рыги, и пэвно нэ згинэ тамъ, а худко въ людэ выйдэ. Отъ що значить наука и що значить миты до еи охвоту! А чи жъ мало и у насъ есть такыхъ хлопцёвъ, що не уступылы бъ и тому Пэтровы? Треба постаратыся о школах, а тамъ хлопэць нэ згинэ, ни, абыно старався, пыльно-вавъ кныжки.

Хвэдось. Ну, то що жъ будэ, якъ полизутъ вси въ паны? Хто жъ въ мужикахъ останэтця?

Янко. Отъ и зновъ за свое. Хто мужикомъ, кажэ, будэ, якъ вси стануть учытыся; ныбы то мужиковы коньче треба буты дурнёмъ? Треба тэпэръ нэ однимъ панамъ учытыся; здаецця наука и мужиковы всякому. Або жъ ты самъ нэ радъ будэшъ, колы твуй сынъ выйдэ въ людэ, зробытця учонымъ, розумнымъ и тэбэ нэ покинэ, шановаты нэ пэрэстанэ: (дурень оно, або чоловикъ зопсутый батька не шануе) нарэшти, хотъ и въ мужикахъ вунъ останэтця, и то одно много значить, ежели вунъ выучитця въ школи пацера, якъ належить, и кныжку яку розумну прочитаты, и тоби ще самому сказаты якую исторїю святу, розумну, що въ кныжкахъ пышутця. Треба ще, напрыкладъ, рахунокъ тоби якіи зробыты, – грамотный хлопэць зробыть тоби живо, худко и регулярно, якъ и самъ пысарь иншій часомъ нэ потрапыть. Чи жъ нэ радость тогды тоби будэ, скажи самъ, подумай? Нэ правда?

Хвэдось. Може-й правда! Ну, а якъ же нашимъ дитямъ липшъ учытысь:

по-польску, чи по русьску? Паны всё говорятъ, же по польску треба коньче учитыся?

Янко. Нэ слухай – мало, що говорятъ! Самъ ты бачишь, же Русьская грамота потрибнйша, якъ польска. Въ церкви у нас на самъ пэршъ мша и другэ набоженьство оправляетця по-русьску, Евангелію читають по-русьску, такъ що каждый грамотный може розумиты, нэ то що въ костёли. Затымъ, въ судахъ, въ нашей власной канцелярии, у сэредныка и всюды вси бумаги пышутця у насъ по-русьску. А и мы сами, запэвнэ зовсим не ляхи: мы сами по соби народъ особный – Беларуссы! Русьска мова и русьска грамота намъ завше потрибнйша, якъ польска.

Хвэдось. Такъ, такъ! Правда?

Янко. Ну, а тэпръ самъ подумай зновъ, не правду людэ кажутъ, же треба учитыся?

Хвэдось. Нэма що казаты, – правду говорать!

Янко. Отожь-то бачъ! Наука завжды и для всихъ корысць мае: и для ксёндза, и для дьяка, и для пана, и для мужика. Казавъ вже и еще разъ кажу, же наука тэпэръ мужиковы, якъ и каждому другому, коньче и вельмы наветъ потрибна.

Благословыжь Боже того, хто за разумъ взявся!

СКАЗКА НЕ СКАЗКА, БЫЛЬ НЯ БЫЛЬ, АЛЕ ТАКЪ БЫВАИЦЬ

Вотъ што раскаizzlyваюць старые людзи. Бывъ одзинь заможный господарь; имевъ ёнь скоту, земли, въ волю. Якъ ёнь добре працювавъ, дыкъ и дававъ яму Богъ успеха во всемъ. Бывало ёнь самъ съ женой за всимъ приглядзиць; устануць яны раненько, узбудзюць паробковъ и паробчанокъ: “идзице, робце то и то”, да и сами прыглядзяць за ими. Въ хлявахъ у яго было сухо и цёпло; корму для скоту не жалели. Зямельку бывало угнаиць якъ можно лепи: “покормишь добре зямельку и ина цябе найсытей накормиць” – любивъ ёнь приговариваць. За то у яго было много скоцинки и все здоровая; радзило у яго збожже, огороднина, лень, пенька; и сабе было досыць и въ зямельку положиць и людзямъ продасць: господарь хоць куды. Дзеточекъ у яго было дзве дочки и одзинь сынъ. Якъ ёнь бывъ человекъ заможный, вотъ и захоцевъ даць доброе выхованне своим дзецямъ; для гэтаго ёнь ничего не жалевъ. Рады были бацьки, якъ ихъ дзеци кончили свои школы. Скоро обедзви дочки вышли замужъ, а сыну где-то дали доброе место, где ёнь мевъ хорошую плату и досыць пачоту. Остались старики у двоихъ доканчиваць свой векъ. Тымъ часомъ померла матка. Старикъ-бацька остався въ дому одзинь, як пёрсть. Яму зробилось дужа маркотно, не съ кемъ было поговориць, ни подзелитца ни горемъ, ни радосцю. Думавъ, думавъ старикъ, да и решивъ отдаць все, што у яго было, дзецямъ, а самому жиць при дзеляхъ. “Я ничего не жалевъ для нихъ, – так думавъ старикъ, – любивъ ихъ щиримъ сердцемъ, да и

яны сдаетца любили мяне; имъ не цяжко будзець прокормиць свойго старого бацьку; зперва поживу у одной дочки, потомъ у другой, за тымъ у сына, после узнова начну съ первой дочки, и буду обходзиць ихъ гэтымъ порядкомъ!” Якъ оказавъ старикъ, такъ и зробивъ; дзетки подзяковали яму, каждый за свою часць. Тольки далеко не охотно принимали яны у сябе свойго бацьку. Поживъ старикъ у первой своей дочки, – видзиць, што на яго поглядваюць ско-са, пошевъ къ другой; у другой яго приняли ня лепи, вотъ ёнь пошовъ къ сыну, – и тутъ на яго глядзели съ подлобья. Горько, дужа горько, зробилось старику. “Боже милосцивый, – подумавъ ёнь со слезами, – за што Ты мяне караеш? Ци я жъ не люблю своихъ дзяцей? Ци я жъ не старався для ихъ? Може я зробився наровистымъ, самъ ня ведаю. Але въ каждомъ разе, кабъ яны мяне любили, яны бъ выбачили мне мои капризы и шановали бъ мяне, якъ свойго родного бацьку!” Пакинули старика дзеци, але не покинувъ яго Богъ и добрые людзи. Почувъ одзинъ старый знакомый объ яго горе, уцешивъ яго добрыми речами, давъ ёму гроши и вотъ гэту разумную раду: “Вотъ табе пятьдесятъ рублей (такіе гроши въ старые часы были вяликіе); найми сабе чистенькій домик, купи што треба, и живи сабе съ Богомъ; мало гэтыхъ будзець, я ящо дамъ столько же; а ты, якъ забогацеешь, отдаси мне; а цяперъ пусци погалоску, что ты ня все раздавъ дзецямъ, а только меньшую часць; увидишь, яны отъ разу переменютца”. Зробивъ старикъ, якъ порадзивъ яму знакомый; нанявъ хатку, убравъ яе, самъ одзевся; а въ хаце поставивъ скриню съ каменнями (быдцымъ) съ грошами, и заперъ яе на два замки. Скоро все заговорили о богатстве старика; почувъ гэто дзеци и одзинъ передъ другимъ стали пріезжаць къ свойму татку съ госцинцами и упрашиваць яго приняць ихъ госцинцы. Такимъ способомъ у старичка завялися и полотно, и мука, и масло, жито, огороднина и ставъ ёнь жиць пропеваючи и дзякуючи свойго старого знакомаго за добрую раду. Захворевъ нашъ старикъ! Смерць была не за горами. Собралися дзеци; ня успеvъ старикъ умерць, яны кинулись искаць ключа отъ скрыни, отчинили яе и штожъ увидзели? Куча камення, а на верху листь къ дзецямъ: “Дорогіе мои дзеци! Я любивъ васъ, отъ щирого сердца, як най-лепи выховавъ васъ, отдавъ все, што мевъ; а чимъ вы мне заплацили? Кабъ ня добрый человекъ, который мне давъ раду, я бъ повиненъ бывъ ходзиць по міру съ торбой. Не дай Богъ кабъ и вы спытали такое горе; маице дзяцей, будзьце осторожны. Гэта мое последнее слово; яно принесецъ вамъ боли ко-рысци, чимъ все гроши, якія вы думали получиць после моей смерци”.